

Я, не видав тебя, уже была твоя.
Я родилась тебе обещанной заранее...

Марселин Деборд-Вальмор

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ДМИТРИЯ ВИДОВА

Писано в Париже,
в Отеле Бирон¹,
20 сентября 1804 года

*В*ысокочитимая мадемуазель Вестинже! Горько сожалею, что принужден уехать, не простившись с Вами и не высказав всего того, чем наполнено мое сердце с того мгновения, как увидел Вас впервые. Не передать, как я страдал сегодня, пока мы спешно паковали, запечатывали и грузили сундуки с бумагами, которые его превосходительство Убри намеревался отправить в Санкт-Петербург! Уже давно понятно было, что придется покидать Париж, но отчего-то тянули со сборами до последнего дня, а теперь воцарилась суэта неопишная. Все мы: и советники, и секретари, и Ваш батюшка, ну и Ваш покорный слуга — трудились не покладая рук и не считаясь с чинами.

До последней минуты надеялся я, что Вы, по обыкновению, придете навестить отца. Но время шло, Вас не было, трево-

¹ В 1804 г. посольство Российской империи во Франции располагалось в Париже, на улице Варенн, во дворце, некогда принадлежащем французскому маршалу Бирону. Обычно это здание называлось «Отель Бирон». *Здесь и далее примечания автора.*

га все более властно овладевала моим сердцем, и наконец я решился спросить о Вас мсье Вестинже, который был занят не меньше всех нас. Ваш батюшка буркнул, что Вы нездоровы, и отошел от меня.

Сердце мое сжалось от этой вести. Я чувствовал себя так, словно небеса разверзлись, солнце померкло и нет никакого просвета впереди. Клянусь, я стоял ни жив ни мертв, как вдруг почувствовал чью-то руку на своем плече. Я оглянулся и вновь увидел Вашего отца. Он сказал угрюмо: «Чего уж теперь горевать! Сами виноваты. Свет не видел такого робкого молчуна. Не стоите вы слез моей дочери! Я ей говорил, что нужно ставить на француза Бовуара, а не на русского Видофф. У Бовуара зрение лучше!»¹ И я был прав!»

Наверное, вид у меня сделался довольно глупый, потому что мсье Вестинже только рукой махнул. Может быть, он еще что-нибудь добавил бы, но тут его отозвал фон дер Пален, который надзирал за погрузкой нашего багажа. Я же попытался проникнуть в смысл слов Вашего батюшки — и внезапно надежда постучалась в мое сердце! Мгновенно перелистав в памяти все наши встречи, вспомнив выражение Ваших прекрасных глаз, вспомнив странное волнение, которое иногда звучало в Вашем голосе, дрожь Ваших рук, комкавших концы фишю², когда мы о чем-то говорили, я вдруг с ужасом и восторгом осознал, что по глупости и робости упустил драгоценные минуты, которые могли бы нас обоих сделать счастливыми.

Неужели Вы, мадемуазель Вестинже... нет, к дьяволу церемонии! Неужели Вы, свет мой Жюстина, ненаглядная Устинька... неужели Вы благосклонны ко мне? Неужели Вы захворали нынче от огорчения, что наша

¹ Игра слов: фамилия Бовуар (beauvoir) омонимична словосочетанию — beau voir, где beau — красивый, прекрасный, а voir — видеть (франц.).

² Фишю (от франц. fichu) — косынка из легкой ткани или кружев, прикрывавшая шею и декольте.

разлука неизбежна, а я все еще не сказал Вам тех слов, которых Вы, быть может, от меня ждали?.. Неужели Вы обидел Вас своей робостью? Обманул Ваши надежды?..

Боже мой, вдруг подумалось мне, а что, ежели Вы приняли мою робость за пренебрежение? Сочли, что я смотрю на Вас свысока, учитывая скромное положение Вашей семьи?!

Поверьте, Устинька: будь я не просто дворянского, а даже царского рода, окажись не каким-то там коллежским асессором, а министром двора или вовсе императором, я был бы счастлив мечтать о Вашей любви и готов был бы на коленях просить Вашей руки, окажись Вы даже не дочерью посольского консьержа, а дочерью самого последнего парижского бедняка!

Кажется, все на свете отдал бы, только бы иметь час времени: схватить экипаж, доехать до Вашего дома, пасть к Вашим ногам, объяснитьсь в любви и молить Вас разделить мою жизнь!..

Ох нет, что я несу, несчастный! Дипломатические отношения между нашими странами разорваны. Еще 28 августа посланник Петр Яковлевич Убри вручил министру иностранных дел Талейрану ноту об их разрыве. Как я могу просить Вас стать женой того, в ком Франция скоро будет видеть представителя враждебной державы и кого теперь охраняет только иллюзия дипломатической неприкосновенности?..

Молю Бога, чтобы состояние неприязни между нашими державами сменилось миром и дружеством. Молю Бога, чтобы мне удалось вернуться в Париж. Молю Бога, чтобы Вы не забывали обо мне. К черту этого Вашего верного поклонника Филиппа Бовуара, на которого посоветует Вам ставить Ваш отец! Однако мсье Вестинже все же пообещал доставить Вам мое письмо... Во всяком случае, Вы всё узнаете о моих чувствах и страданиях.

Ах, вот горе, пора уж отправляться! Нет в свете более несчастного человека, чем я, и сердце мое рвется от любви.

Прощайте! Дай Бог Вам счастья, ненаглядная, любимая, обожаемая Устинька! Вспоминайте, умоляю, вспоминайте обо мне!

Вечно Ваш — Дмитрий Видов, секретарь при посольстве Российской империи в Париже.

НОВЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ГАЗЕТЫ «БУЛЬВАРДЬЕ»

Париж, 1832 год

Фарфоровые, роскошные, хотя и несколько побитые временем часы Вашерон-Константен, стоявшие на каминной полке, громко захрипели, готовясь пробить полдень. Полдень пятницы! Неподалеку, на колокольне новой, еще не вполне достроенной, но уже действующей церкви Девы Марии Лоретанской, Нотр-Дам-де-Лорет, зазвонили к обедне. Однако все сотрудники газеты «Бульвардье» немедленно достали еще и карманные «брегеты», чтобы сверить их.

То же сделал и Жан-Пьер Араго, главный «бульвардье» — редактор газеты. Многие собратья по ремеслу завидовали ему: Араго умудрился выбрать весьма удачное название для газеты. Ведь бульвардье — это всегда и кофеен на Гран Бульвар, парижских Больших бульварах: светские люди, политики невысокого пошиба и просто сплетники. Теперь они считали своим долгом читать эту прославившую их газету, что, конечно, не могло не сказываться на популярности и продажах тиражей.

Удостоверившись, что полдень пятницы не опаздывает, присутствующие: сам Араго, его заместитель и заодно корректор Вальмонтан, бухгалтер Конкомбр и репортер Ролло — выжидательно уставились на дверь. Строго говоря, Ролло сейчас следовало не протирать штаны в редакции, а заниматься тем, чем должен за-

ниматься репортер, то есть шнырять по улицам в поисках маломальской сенсации или просто какого-нибудь случая, из коего можно раздуть если не сенсацию, то хотя бы сделать интересную заметку, которая повысила бы тираж «Бульвардье». Однако Ролло пожертвовал бы любой сенсацией, лишь бы не пропустить полудня пятницы, как, впрочем, и его коллеги.

Этот день приобрел столь важное значение для всех «бульвардье» около полугода назад, в декабре 1831 года. Тогда в редакции, которая занимала просторную комнату на третьем¹ этаже доходного дома по улице Мартир, то есть Мучеников, поднимающейся к своему тезке Монмартру, Холму Мучеников, появилась какая-то старуха в потертом капоре и бархатном мантио (судя по виду, их носили без скиду с тех времен, когда Наполеон Бонапарт основал свою империю) и принесла первую заметку, подписанную псевдонимом Лукавый Взор. Но этот псевдоним отнюдь не принадлежал старухе: она была всего лишь курьером. Ей заплатила за доставку заметки «какая-то щедрая и очень нарядная дамочка».

Маленькая статейка оказалась написана прелестным, бойким, порой фривольным языком, вообще не нуждалась в правке и решительно отличалась от любых бытовых заметок, которые печатались даже в самых популярных парижских газетах, ибо те заметки были, как правило, грубы и скандальны.

Интригующее название, как говорится, било по глазам: «*Святой Августин чистит перышки, или Что под туникой у весталки*». Речь шла всего-навсего о вывесках парижских магазинов — то есть о том, что ежедневно на глазах у всех и каждого. Однако Лукавый Взор взглянул на них с неожиданной стороны:

¹ Счет этажей во Франции отличается от нашего: первым у них считается тот, который мы назвали бы вторым. Таким образом, фактически редакция находилась на четвертом этаже.

«Гуляю по бульварам и от нечего делать рассматриваю вывески. Сплошь и рядом на них названия известных водевилей: «Железная маска», «Красная Шапочка», «Весталка», «Волшебная лампа» и проч. Прикидываю: в «Железной маске», очевидно, продают карнавальные маски и костюмы для ряженых. Заглядываю в лавку и вижу... рулоны шелка, сукна, кашемира, кисеи, дорогих лионских шелков, называемых бурдесуа, и шелков дешевых, которые попросту именуют пудесуа.

Вот те на! Здесь, оказывается, торгуют тканями!

Иду дальше. Предположительно, в «Красной Шапочке» должен обосноваться шляпник. Ничуть не бывало! Здесь изобилие ботинок, башмаков, бальных туфелек, сапожков для верховой езды — и прочих облачений для прелестных дамских ножек.

Продолжаю свой променад довольно долго и вот что выясняю: над лавкой мясника красуется букет увядших гвоздик и вывеска «На добрую память»; «Три девственницы» символизируют мастерскую по пошиву военных мундиров; у «Святого Августина» обновляют старые перья для шляп; «Ангел-хранитель» отправляет посылки за границу; «Монах» полами своей рясы прикрывает вход в сладостно благоухающую лавку по продаже «летучего масла»¹, помад, румян и прочей парфюмерии... Но поистине сногшибательное открытие ожидает меня в «Весталке». Здесь я обнаруживаю самые таинственные предметы дамского туалета: те, которые открыты только скромному взору мужа или нескромному — любовника. Несчитанное множество кружевных, шелковых, батистовых штучек! Корсеты, сорочки, лифы, даже — ах, простите, — drawers!² Вынужденно прибегаю к английскому слову, дабы не оскорблять взор моих читательниц, так как известно (а если кому-то неизвестно, самое время узнать!), что, несмотря на приказ парижского префекта

¹ От франц. huile volatile — одно из наименований духов.

² Drawers — панталоны (англ.).

от 1730 года, их ни за что не наденут те, кого англичане называют *filthes*¹... не осмеливаюсь привести французский синоним... ну а фланируя по парижским улицам, они обычно отзываются на странные прозвища: Крыска, Толстая Ляжка, Мохнатка, Глубокая Корзинка. Однако в последнее время многие затосковали по изысканности и сделали тезками героинь любовных романов или модных опер. Теперь они Аманды, Пальмиры, Лодоиски, Сидонии, Аспазии, Армиды... Но эти имена — не более чем вывеска, яркая вывеска! Право слово, даже не знаю, кто будет разочарован сильнее: тот, кто узнает, что Святой Августин умеет чистить и красить перья, а весталка носит *drawers*, — или тот, кто в Аспазии обнаружит Толстую Ляжку, в Лодоиске — Мохнатку, а в Пальмире — Глубокую Корзинку, как это постоянно происходит с мсье П., владельцем «Весталки». Самыми прибыльными его клиентками являются именно эти красотки, которые обнажают перед мсье П. свои «мохнатки» и открывают свои «корзинки», чтобы он, в свою очередь, открыл им кредит на покупку «летучих масел» и прочего».

Надохотавшись, Араго и его сподвижники решили предоставить возможность повеселиться всем своим читателям. И не прогадали. Тираж очередного выпуска «Бульвардье» расхватили мгновенно! Редакция втихомолку молилась, чтобы загадочный Лукавый Взор снова дал знать о себе.

И молитвы эти были услышаны.

Спустя неделю, опять же в пятницу, чертыхаясь и отдуваясь, на третий этаж взобрался почтенный ветеран, еще помнивший победное солнце Аустерлица. Ему передала свернутый вчетверо листок скромная бенедиктинка². Успех этого материала Лукавого Взора,

¹ *Filthes* — женщина легкого поведения (англ., устар.).

² Бенедиктинка — монахиня католического ордена святого Бенедикта.

посвященного предприимчивым парижанкам, которые успешно заменяют мужчин в любом роде деятельности, от торговли с лотка до развоза воды, от управления наемными экипажами до обладания игровыми домами, был столь же фееричным.

В следующую пятницу никто не появился; «бульвардье» приуныли. Однако еще через неделю тощий капуцин¹ принес корреспонденцию якобы от уличной торговли. Теперь Лукавый Взор исследовал разницу между богатыми денди-буржуа и светскими львами, которые соревнуются, кто больше денег тратит для поддержания своего реноме. После этого парижский вокабулярий обогатился выражением «рыцарь камелии»: Лукавый Взор не забыл упомянуть, что самые отъявленные денди щеголяли камелиями в петлицах — самым дорогим цветком, да еще меняли его раз по шесть в день!

Потом появился полунищий студент, которому передала затейливо свернутый и обвязанный розовой ленточкой листок почтенная старушка... Ну и так далее, и так далее! Курьеры появлялись то еженедельно, то через две недели, они менялись, менялись описываемые ими отправители, однако прежним оставался псевдоним: Лукавый Взор. Прежним оставался и острый, ироничный, задиристый стиль заметок. Почерк автора был четким, хорошо разборчивым, но совершенно безликим. Такой бывает у опытных писарей. Иногда Араго не сомневался, что Лукавый Взор — это женщина, иногда казалось — нет, мужчина. Автор очень удачно избегал любых глаголов, которые могли бы выдать его пол. Но все же чем дальше, тем больше Араго верил, что Лукавый Взор — именно женщина!

Впрочем, кем бы Лукавый Взор ни был, его корреспонденции весьма прибавили «Бульвардье» популяр-

¹ Капуцин — монах так называемого ордена меньших братьев капуцинов.

ности. Теперь в среду — день выхода свежего номера — уличные продавцы газет едва успевали выйти с очередным выпуском «Бульвардье», как распродавали товар и возвращались в типографию за новыми пачками.

Лукавый Взор заставлял парижан взглянуть на их привычное житье другими глазами. Ну и посмеяться обитатели французской столицы всегда были горазды. Вообще их неистребимой особенностью издавна было острое любопытство ко всяким, даже самым ничтожным происшествиям, от дерущихся собак до публичных казней на Гревской площади, переименованной в 1803 году в площадь Отель де Виль, Городской Ратуши. Причем парижане обожали не только смотреть на действие, но и судачить о нем. «Бульвардье» с помощью Лукавого Взора утолял эту потребность читателей посудачить. Раньше Араго использовал в основном материалы из иностранной и французской прессы, с которой знакомился чрезвычайно внимательно; более, а чаще — менее осторожные политические рассуждения, принадлежащие его собственному перу, разбавляли этот публичный меланж; однако поистине *лукавые* заметки Лукавого Взора придали газете особый шаловливый шарм. Иной раз Араго приходилось слышать хохот в какой-нибудь кофейне на Итальянском бульваре, и если он видел при этом газету в руках смеющихся, то не сомневался, даже не видя заголовка: это его газета!

Гонорар, переводимый Лукавому Взору, раз от разу увеличивался. Бухгалтер Конкомбр регулярно относил деньги в банк и отправлял на счет, имя владельца которого охраняла строгая банковская тайна. Понятно, что Лукавый Взор старательно заметал следы, и можно было голову сломать, пытаясь проникнуть в его инкогнито. То, что послания передавались столь сложным путем, как минимум через двух посредников, подтверждало: Лукавый Взор это свое инкогнито бережет и открывать его никому не намерен.